

ELENA KRIVOLAPOVA

ПОИСКИ БОГА В РАННИХ ДНЕВНИКАХ МИХАИЛА ПРИШВИНА

Конец XIX – начало XX вв. это в России время эсхатологических ожиданий, кардинальной переоценки ценностей, когда происходит резкая смена социокультурной и мировоззренческой парадигм. По замечанию отца Георгия Флоровского, на рубеже веков в русском обществе вновь пробуждается религиозная потребность, как это было в Александровскую эпоху. Но теперь религиозная тема «ставится» «не только как *тема мысли*», но «как *тема жизни*» (Florovskiy 452). Стремлением обрести некий безусловный абсолют была охвачена значительная часть русской интеллигенции, причем это было характерно как для людей религиозных, так и не признающих себя таковыми, как для ищущих Бога, так и для отрицающих Его. В этой связи современная польская исследовательница Ханна Ковальская пишет о «специфической философско-литературной ауре в России рубежа XIX-XX веков», которая «заставила многих писателей взяться за тему старообрядчества и сектантства» (Kowalska 167).

Михаил Михайлович Пришвин, интересовавшийся как старообрядчеством, так и сектантством, принадлежал к числу тех, кого в литературно-общественных кругах называли «ищущими». В его дневниках начала XX века содержится достоверный и убедительный материал, позволяющий

Елена Михайловна Криволапова, доктор филологических наук, доцент – Курский государственный университет, Филологический факультет, Кафедра литературы; адрес для переписки: Россия, г. Курск, ул. Студенческая, д. 7, кв. 308; e-mail: elena_vroblevska@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3815-4286>.

ELENA MIKHAILOVNA KRIVOLAPOVA, Doctor in philology, Associate Professor – Kursk State University, Faculty of Philology, Department of Literature; correspondence address: Russia, Kursk, st. Studencheskaya, 7, apt. 308; e-mail: elena_vroblevska@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3815-4286>.

ELENA MIKHAILOVNA KRIVOLAPOVA, doktor filologii, docent – Kurski Uniwersytet Państwowy, Wydział Filologiczny, Katedra Literatury; adres do korespondencji: ул. Студенческая, д. 7, кв. 308, г. Курск, Росжа; e-mail: elena_vroblevska@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3815-4286>.

составить представление о том, как происходило, «искание Бога перед мировой катастрофой» (Prishvin, *Dnevnik. 1914-1917* 232).

Религиозные поиски на рубеже XIX–XX вв. осуществлялись в сложнейшей общественно-политической и культурно-исторической обстановке. Преобразовательский дух эпохи не обошел церковную сферу. Утрата доверия к исторической церкви выражалась в падении авторитета священнослужителей, отрицательном отношении ко всякого рода обрядности, отпадении в «сектантство», увлечении теософией, стремлении приобщиться к «новому религиозному сознанию».

Потребность в реформировании церковной жизни, назревшая к началу XX века, стала причиной появления в церковной среде так называемых «обновленцев», которые выступали с «революционной» в полном смысле этого слова программой переустройства всей церковной жизни: канонов, вероучения, богослужения, иерархической структуры. Получив после 1917 г. с помощью новых властей возможность реализовать практически все свои планы, «обновленцы», они же «живоцерковники», ощутимого успеха не достигли, так как верующий народ отвернулся от них.

Но произойдет это двадцатью годами позже. Накануне же революции православная ритуалистика вызывала в интеллигентской среде по преимуществу непонимание и раздражение. Вот запись из дневника В.О. Ключевского – свидетельство в высшей степени показательное, поскольку выдающийся историк многие годы проработал в Московской Духовной академии:

«Местные православные церкви, теперь существующие, – суть сделочные полицейско-политические учреждения, цель которых успокоить наивно верующие совести одних и зажать крикливо протестующие рты других» (Klyuchevskiy 345). Обе эти цели, считал историк, должны привести к третьей, «самой желанной для правящей церковной иерархии»: вызвать полное равнодушие мыслящей части русского общества к делам своей местной церкви. Отношение к обрядности православной церкви выражено В.О. Ключевским в следующем высказывании:

Что такое наше церковное богослужение? Ряд плохо инсценированных и еще хуже исполняемых оперно-исторических воспоминаний. Верующий приносит из дома в церковь купленную свечку и свое религиозное чувство, ставит первую пред иконой, а второе вкладывает в разыгрываемое перед ним вокально-костюмированное представление и, пережив нравственно-успокоительную минуту, возвращается домой. (Klyuchevskiy 357)

Подобное отношение к православию было характерно для большинства образованных современников Ключевского, для которых высшим импера-

тивом стал уже не авторитет Церкви, а «голос собственной совести». Не представлял исключения и Михаил Пришвин.

Жизненное кредо писателя можно выразить его же собственными словами из повести *У стен града невидимого*: «Ищу правильную веру» (Prishvin, *Sobraniye sochineniy*, t. 1 405). В своих «поисках» писатель проходит разные этапы: это попытки интуитивного постижения Бога, позволяющего преодолеть дисгармонию между собственным «я» и окружающим миром, пристальный интерес к «носителям» веры – священнослужителям, старообрядцам, сектантам, сближение с такими же «ищущими», как он – «петербургскими мистиками», сторонниками «нового религиозного сознания».

Ранние дневники Пришвина, в которых содержатся первые свидетельства его религиозных поисков, охватывают период с 1905 по 1913 год. Исследователи отмечают увлечение Пришвина религиозно-философскими вопросами, начиная с конца 1900-х годов. Так, например, В. Фатеев считает, что именно к этому периоду относятся слова писателя из очерка *Голубиная книга (1924 г.)*: «Раньше я очень интересовался русским человеком в отношении его к церкви, с одной стороны, и той природной религиозности, которую называют *язычеством*» (Fateyev 9).

Постижение Пришвиным народной психологии, народной веры наблюдается на протяжении всего дневникового пространства. В Петербурге это непосредственные разговоры с людьми, в Задонске – наблюдения за священнослужителями и поведением народа во время богослужения, в Спас-Чекряке – это соприкосновение с феноменом старчества в лице о. Георгия.

В своих дневниках Пришвин выразительно и точно запечатлевает характерные приметы тогдашнего времени. «Ищут» не только «интеллигентные умы», в поисках весь народ – в поисках и одновременно в ожидании великой катастрофы. Вот характерная для пришвинского дневника маленькая сценка – рассуждения из «народной жизни»: «Совсем, совсем теперь другой народ стал... Чегой-то ищет. Ищет и ищет... (...) Какой-то неуловимый стал народ, текучий, все перемешалось. Кажется, кончится это страшно...» (Prishvin, *Ranniy dnevnik. 1905-1913* 92).

Пришвинское понимание Бога, как оно представлено в дневниках, многогранно и неоднозначно. Личное чувство Бога у автора дневника сопрягается с приобщением к «высшему», которое лежит вонне: «Искание Бога чего-то вне себя, что можно постичь и верить. Брать верой, не домыслом» (Prishvin, *Ranniy dnevnik. 1905-1913* 46). Отношение к народной вере у Пришвина также неоднозначно: с одной стороны, он проникается чувст-

вом уважения к тем, кто просто, не рассуждая, онтологически верит, а с другой – такая вера недоступна его пониманию.

Подобно многим своим современникам, Пришвин крайне скептически относился к исторической церкви, особенно к обрядовой стороне ее бытия. «Традиционные формы русской жизни приходили в упадок, – отмечает А. Варламов, – не было прежнего благоговения, и пытливые интеллигентные умы себе на беду искали новые формы, сосредотачивались на недостатках, темных сторонах национальной жизни и не ценили ее устойчивых светлых сторон» (Varlamov 95). Такое отношение к «традиционным формам русской жизни» можно наблюдать и у Пришвина, но в процессе «поиска новых форм» позиция писателя претерпевает изменения.

Примером тому могут служить два дневниковых фрагмента, передающих различное отношение писателя к православной Церкви и ее служителям. Первый – это поездка с матерью в Задонск, вторая – собственная паломническая поездка в село Спас-Чекряк к о. Георгию Коссову.

Уже в самом начале путешествия в Задонск Пришвина одолевают «припадки тоски», настроению вторят неприглядные «бытовые картинки»: холод, грязь, свиньи у дороги, неприятный запах... Вся эта «неприглядность» переносится и в церковную сферу. Сознание писателя постоянно фиксирует «негативные» формы «религиозного», обычные бытовые детали трансформируются в неприятные, зловещие, сумрачные и даже карикатурные: «Нищие сидят, как два серых камня», лицо матери в церкви сразу «темнеет» и «старееет», люди «деревенеют в церкви» и становятся похожими на фотографии, у монаха картинные, театральные поклоны... «Я уже готов был поверить в искренность его молитвы, – пишет Пришвин, – как вдруг во время прекрасного поклона он откровенно зевнул» (Prishvin, *Ranniy dnevnik. 1905-1913* 66).

Быт заслоняет искреннее религиозное чувство. По глубокому убеждению писателя, вся эта церковная обрядность совершенно ни к чему, она устарела. Закономерен вывод, к которому приходит Пришвин: «Я думал о том, как эти символы приспособлены к народу. Как, с другой стороны, они непрочны, как невозможно возвращение к ним. Как вообще непрочно религиозное дело, основанное на [почитании] этих вещей» (Prishvin, *Ranniy dnevnik. 1905-1913* 67). Вывод, который после богослужения делает Пришвин, вполне созвучен с мнением В.О. Ключевского о церковном богослужении («плохо инсценированное» «вокально-костюмированное представление»). Самый карикатурный в дневнике – образ монаха-ловеласа Леонида, «большого ухаживателя», который при встрече начал «‘либеральничать’, бранить монахов и ругать Синод» и вел себя так, что «у мамы, –

пишет Пришвин, – получилось впечатление, что этот человек неверующий» (Prishvin, *Ranniy dnevnik. 1905-1913* 73).

Таким образом, поездка в Задонск не только укрепила Пришвина в его негативном отношении к различным сторонам обрядности, но и рассеяла сомнения писателя по поводу целесообразности всего совершаемого в Церкви.

На этом выводе можно было бы и завершить разговор об отношении Пришвина к исторической Церкви, если бы в дневнике не было рассказа еще об одной поездке писателя в село Спас-Чекряк Орловской губернии к о. Георгию (1910 г.). Дневник не содержит сведений о том, как созрело решение Пришвина поехать к священнику. Но причина, побудившая его отправиться в «путешествие», была вызвана не только чисто писательским любопытством – стремлением своими глазами увидеть, объяснить, постичь необыкновенный «дар» священника, к которому стекаются за советом люди всех родов и сословий. Это глубоко личный, сущностной вопрос, которым мучается писатель и который связан со смертью близкого человека. С этим автору некуда пойти и некому довериться. Даже к знаменитому священнику, который всех видит насквозь, Пришвину ехать боязно. В этом отношении психологическая составляющая дневникового текста выражена довольно отчетливо. Не случайно писатель с самого начала поездки воспринимает ее как паломническую и стойко выносит все тяготы своего «путешествия», подробно описанные в дневнике.

Несмотря на все дорожные неурядицы и бытовые неудобства, которые автору пришлось претерпеть во время поездки, его позитивный настрой не меняется. В селе Спас-Чекряк Пришвин замечает большой белый храм на горе, множество добротных строений; ему рассказывают, сколько всего настроил о. Георгий: и школа, и приют для девочек, и этот великолепный храм. «...Все это как-то говорит об удивительно здоровой и разумной руке», – приходит к выводу автор (Prishvin, *Ranniy dnevnik. 1905-1913* 120). Но для него, как и для остальных приезжих, сейчас важны не хозяйственные способности о. Георгия, а его молитвенный дар и прозорливость.

Оппозиция «религиозного» и «житейского», так выразительно переданная в описании задонского путешествия, здесь практически сходит на нет. Автор попадает в толпу «страждущих», приехавших на молебен из разных мест с одной целью – «испросить совета» у о. Георгия, который «обладает чудесным даром видеть судьбу людей, животных...» (Prishvin, *Ranniy dnevnik. 1905-1913* 121). Пришвин рисует его «бодрую сильную фигуру с седыми волосами», «грозное лицо, глаза из-под больших бровей», которые

«глядят строго, неласково», передает услышанное о нем: «Он служит обыкновенный молебен часа три-четыре, а потом в церкви (...) дает советы часто часов до семи, а потом еще дома принимает. (...) Ругатель попов, русский народ об о. Егоре [Георгии. – Е. К.] говорит только хорошее... Раздражение, юмор, злоба – все исчезает... Поп превращается в священника» (Prishvin, *Ranniy dnevnik. 1905-1913* 121). Для «нерелигиозного» Пришвина это «превращение» очень важно, тем более он не только наблюдает за ним, но и сам принимает участие в происходящем.

В Спас-Чекряке Пришвин соприкоснулся с таким явлением, которое в русском православии называется старчеством. О. Георгий – не просто хороший, уважаемый, авторитетный священник, а именно «старец», за советом к которому, подобно другим страждущим, приехал «нерелигиозный» человек Пришвин. Не случайно в дневнике упомянуто, что «взялся» тут о. Георгий «от о. Амвросия», одного из самых почитаемых оптинских старцев. В действительности так и было.

Георгия Коссова, тогда еще молодого священника, направили служить в самый бедный и захолустный приход Болховского уезда – село Спас-Чекряк, состоящее всего лишь из 14 дворов. Примечательно, что название *Чекряк* в переводе с татарского языка означает «непроходимое урочище». Церковь, расположенная в двух верстах от села, была такой ветхой, что о. Георгий, каждый раз, заходя внутрь, боялся, что она завалится. Сам молодой священник «больно квёл был – кровь кашлял» (Nilus 247). От нищеты, болезней и полной безысходности он пришел в отчаяние и задумал отказаться от прихода. Но прежде чем сделать это, о. Георгий решил спросить совета у оптинского старца о. Амвросия.

История посещения Георгием Коссовым Амвросия Оптинского будет воссоздана С. Нилусом. Старец категорически запретил молодому священнику покидать приход:

Приход бросать? А? Ты знаешь, Кто иереев-то ставит? А ты бросать! Храм, вишь, у него стар, заваливаться стал! А ты строй новый, да большой, каменный, да теплый, да полы в нем чтоб были деревянные: больных привозить будут, так им чтоб тепло было. Ступай, иерей, домой, ступай, да дурь-то из головы выкинь!.. Помни: храм-то, храм-то, строй, как я тебе сказываю. Ступай, иерей, Бог тебя благословит! (Nilus 267)

Разумеется, не один Пришвин задавался вопросом, в чем состоит секрет притягательности чекряковского батюшки, к которому ежедневно толпами стекается народ. Деятельность его была оценена задолго до посещения

Пришвина. Еще в 1903 году об о. Георгии писали в *Орловских епархиальных ведомостях*, ставя ему в заслугу не только строительство храма, больницы, школ, приюта для девочек-сирот, но и отмечая его уникальный молитвенный дар: «Слово утешения и ободрения ослабевающим на жизненном пути, которое ты сеешь с утра и до ночи, чрез ободренных разносится во все концы, там в свою очередь служит источником утешения для многих, растет и процветает» (*Orlovskiye yeparkhial'nyye vedomosti* 631). Именно этой стороной своей деятельности о. Георгий оставляет «живой памятник» в сердцах своих почитателей.

Хотя Пришвин ни разу не употребил слова «старец», он тем не менее поразительно точно уловил все «приметы» старчества. В попытках разобраться в удивительном влиянии старцев, объяснить их способность проникать в душу человека и врачевать её, исследователи прежде всего обращаются к свидетельствам тех, которые непосредственно на себе испытали это влияние. Широко известны слова Н.В. Гоголя о том, что в Оптиной пустыни – главной «старческой» обители России – особая атмосфера: «За несколько верст, подъезжая к обители, уже слышится благоухание: все становится приветливее, поклоны ниже и участия к человеку больше» («Pis'mo N. V. Gogolya» 482). Впечатление, которое вынес Гоголь от общения со старцем о. Макарием, можно охарактеризовать одним словом: «благодать». А вот как описывает состояние души писателя Игорь Золотусский: «Так вдруг мирно стало на душе у Гоголя, так покойно, что он захотел остаться здесь» (*Zolotusskiy* 483).

Практически теми же словами выражает свое настроение и Л.Н. Толстой после беседы с о. Амвросием: «Этот о. Амвросий совсем святой человек. Поговорил с ним, и как-то легко и отраднo стало у меня на душе. Вот когда с таким человеком говоришь, то чувствуешь близость Бога» (*Optina pustyn'*).

Сходные впечатления от общения со старцами вынесли не только великие писатели. Приведем свидетельства «обыкновенного человека», имеющего отношение к иной религиозной традиции, – врача, лечившего старца Макария: «Только теперь я могу сказать, что я видел человека, говорил с человеком...» По его собственным словам, ему удалось «увидеть человека таким, каким он должен быть...» (...) увидеть живой образец человека...» (*Posledniye dni Optinskogo startsa*).

Исследуя феномен старчества, В.Н. Криволапов отмечает, что «живой образец человека» пытался увидеть «едва ли не каждый крупный писатель России», да и не только писатель, но и рядовой человек (*Krivolapov* 168). Именно поэтому так притягательна была Оптина пустынь для людей различных сословий: крестьян, интеллигенции, купечества.

Отмечая трудность постижения этого явления современным светским человеком, исследователь выделяет одну из «примет» старчества:

Не будет натяжкой усмотреть внешнее проявление любви к ближнему в способности старцев воспринимать, как свою, любую из проблем своих посетителей, какой бы характер они не носили: духовно-нравственный, мировоззренческий, житейский или даже хозяйственный. Известно, что у Амвросия просили совета, как кормить индеек, чтобы те не дохли, или как положить конец любовным притязаниям свекра. (Krivolapov 172)

Но вернемся к впечатлениям М. Пришвина. Он затрудняется описать свое состояние во время богослужения:

Как назвать обыкновенными затасканными словами то необычайное волнение, которое овладело мной, когда я увидел это грозное лицо с копьём у воды, окруженное сотнями глаз, совершенно верящих, что он знает судьбу каждого здесь... (Prishvin, *Ranniy dnevnik. 1905-1913* 122, 123).

Во время молитвы у писателя вдруг возникает ощущение, что в церкви все уже связаны духовно со священником, при миропомазании кажется, что о. Георгий всех «в церкви уже знает и что знает даже, с чем кто пришел к нему». Смирненно принимаются советы батюшки, звучащие так просто, что вызывают удивление этой своей простотой. Сам Пришвин незаметно для себя тоже приобщается к тому, что происходит в храме: «Батюшка... Нет, он теперь уже совсем не простой батюшка... Жрец... Оракул...» (Prishvin, *Ranniy dnevnik. 1905-1913* 123). Наблюдая процесс общения людей со старцем, писатель допускает мысль о том, что батюшка, вероятно, «творит чудеса, тяжелобольные выздоравливают, встают», но это потому, что простой народ «из простых слов, сказанных священником», «творит свою легенду».

Вместе с тем масштаб личности о. Георгия от «малOVERия» Пришвина не уменьшается. В дневнике он описывает посещение священника и свой разговор с ним, в котором излагает наболевшую проблему. Ощущение того, что они «в разных плоскостях», посещает Пришвина сразу после ответа о. Георгия. Когда писатель рассказывает о мучившем его чувстве своей причастности к смерти брата, которому он, по собственному убеждению, дал неверный совет, старец отвечает: «Ты тут ни при чем. Ну что же, взял из Евангелия о Марфе и Марии. Это рассуждение. Просто он тебе был дорог, любил ты его и теперь ввязываешься» (Prishvin, *Ranniy dnevnik. 1905-1913* 128).

В разговоре Пришвина с о. Георгием явно просматривается оппозиция разума и сердца. «Его заняла моя лишь виновность, а меня занимал смысл всего этого», – объясняет писатель свое разочарование (Prishvin, *Ranniy dnevnik. 1905-1913* 128). И о. Георгий понял это. Не случайно он спрашивает Пришвина: «А ты веришь?» Здесь, пожалуй, впервые Пришвин, отвечая на вопрос старца, заговорил о своей вере: «От детской веры я отстал, но так вообще близок к вере, думаю о Боге, что главное в Нем то, что Он существует помимо меня. Иногда я чувствую, что есть какой-то мир помимо меня...» (Prishvin, *Ranniy dnevnik. 1905-1913* 129).

Урок, усвоенный писателем в процессе общения с о. Георгием, впоследствии приведет Пришвина к пониманию того, что увлечение излишними «рассуждениями» может исказить суть вещей и увести от реальной жизни. У него даже появится собственный неологизм – «засмыслиться», то есть предпочесть «головные» теории непосредственному восприятию жизни. Это слово стало одним из значимых для Пришвина-писателя и Пришвина-человека: «Боюсь сказать не от сердца и засмыслиться» (Prishvin, *Tsvet i krest* 171).

Услышанное старцем поначалу не воспринимается Пришвиным как безусловная истина, но с течением времени эти, казалось бы, неуслышанные слова и незамеченные советы вдруг обретают смысл, и писатель начинает жить – сознательно или бессознательно – в соответствии с ними. Именно они определяют дальнейшие жизненные установки Пришвина.

Трудно сказать, насколько разрешил его сомнения о. Георгий и насколько сам писатель был удовлетворен его ответом, но, вспоминая «путешествие», Пришвин напишет в дневнике: «В результате от этой поездки осталось чувство большого удовлетворения в существовании такой личности, но мои вопросы оказались совершенно лишними» (Prishvin, *Ranniy dnevnik. 1905-1913* 131).

О том, какое впечатление произвела на Пришвина встреча с о. Георгием, говорит тот факт, что через три года после поездки он снова возвращается к тем же событиям в своем очерке *Спас-Чекряк* (1913), в котором размышляет о личности священника.

Очерк открывается проблемой уже отнюдь не личного характера – речь идет об отношении русского народа, которого писатель еще в дневнике назвал «ругателем попов», к священству. Упоминание Пришвиным в самом начале очерка героя духовного звания из поэмы Н.А. Некрасова *Кому на Руси жить хорошо* вполне уместно, поскольку современный писателю «поп» во всех своих проявлениях (условия жизни, статус, отношение других сословий) соответствует некрасовскому, жившему полвека назад и не знав-

шему, что такое «покой, богатство, честь». Но, в отличие от него, всем этим в полной мере обладает чекряковский батюшка.

Зато какая же должна быть личность священника, если и в такой обстановке его деятельность получит всеобщее народное признание, если каждый крестьянин с величайшим уважением отзовется о нем, если вы сами (...) – вы, неверующий и сомневающийся во всем, – в этом случае скажете: «Вот настоящий, цельный человек, каких мало теперь в городах». Я говорю об отце Георгии из села Спас-Чекряк... (Prishvin, «Spas-Chekryak», 733)

Примечательно, что через три года писатель, осмыслив масштаб личности этого человека, заговорит о нем почти так же, как и тот врач, который некогда лечил старца Макария и увидел в нем «живой образец человека», человека такого, «каким он должен быть».

В очерке Пришвин стремился к объективизации, завершенности выносимых им суждений и выводов. Главный упор писатель делает на том, что больше всего удивляет его: это совершенно естественное слияние житейского и религиозного в жизни крестьян села Спас-Чекряк:

Дело отца Георгия всё на виду», его «советы» – «не какие-нибудь, а самые житейские и дельные», вокруг живая жизнь, «все так дельно, разумно устроено и где нет следа юродства»; «ни черных ряс, ни кликуш»; «и в церкви такая же простота и отсутствие всяких традиционных благолепных приемов».

У писателя складывается впечатление, что именно здесь и есть средоточие чего-то истинного, что исключает всякую фальшь:

Самое же главное, самое удивительное – это не в зданиях, устроенных отцом Георгием (...) а своя собственная уверенность в том, что есть какая-то точка, где глас народа есть действительно глас бога, и что уж тут никакой не может быть фальши. (Prishvin, «Spas-Chekryak» 735)

Непосредственное впечатление от о. Георгия, которое Пришвин описывает в дневнике в довольно экспрессивной форме («жрец», «оракул», былинный богатырь, «святой человек»), в очерке отсутствует. И если в дневнике у Пришвина «поп превращается в священника», то в очерке эта метаморфоза выражена более просто: «Сживается народ со священником». Но тем не менее выводы и в дневнике, и в очерке сходные. Вынеся из этой поездки «чувство большого удовлетворения», Пришвин пытается объяснить сущность феномена о. Георгия и в его лице одну из тенденций в православной церкви. Если в дневнике он отмечает «изумившее» его «творчество

внутри православной мертвой церкви», то в очерке то же самое он называет по-другому: «В общем, от деятельности отца Георгия остается такое впечатление, что есть в ней какая-то живая черта» (Prishvin, «Spas-Chekryak» 740), которую писатель не хочет связывать с «седой стариной».

И в том, и в другом произведении Пришвин соотносит это «живое творчество» отнюдь не с церковным происхождением (на этот счет у него большое сомнение), а с разумной деятельностью «дельного, практичного человека». В очерке писатель прибегает к более широкому обобщению:

Эту живую черту можно заметить и в Шамординской пустыни, устроенной оптинским старцем Амвросием. Там и тут мы находим на одной стороне безотчетную народную веру как основу всего, а на другой – целый ряд разумных действий для просвещения того же народа; между тем и другим – цельная и высоконравственная личность проповедника. И кажется, что живая черта, отличающая Шамордину пустынь от других монастырей, и деятельность отца Георгия от подобных ему состоит в признании разума в религиозном деле. (Prishvin, «Spas-Chekryak» 740)

Но все же основная черта настоящего старца, по мнению Пришвина, состоит не в его «разумных, «практичных» «действиях», а в самой личности «проповедника» – «цельной и высоконравственной».

Чтобы подтвердить вывод М. Пришвина, обратимся к *Запискам* С. Нилуса, который также испытал на себе воздействие личности о. Георгия. Один из очерков книги – *Отец Егор Чекряковский* – вырастает из того же материала, что и у Пришвина. Обращает на себя внимание сходство ситуаций: и Пришвин, и Нилус испытывают потребность побывать у о. Георгия и побеседовать с ним; и тот, и другой совершают «паломническую» поездку, сопряженную с определенными трудностями и дорожными тяготами; и тот, и другой выносят неизгладимое впечатление от личности священника. Как и Пришвину, автору *Записок* неоднократно становится «жутко» от осознания того, что батюшка «видит» его грехи. С. Нилус даже собирается «под каким-нибудь благовидным предлогом» «отделаться» от беседы с отцом Егором: «Что мне, человеку, выдавшему всякие виды и еще находившемуся под гипнозом разных, так называемых, европейских идей, мог дать Чекряковский батюшка?» (Nilus 264).

Но в результате оба писателя приходят к единому итогу. При личной беседе с отцом Егором Нилус потрясен: «Тайна моей души читалась им, как в открытой книге. (...) Я не могу рассказывать об этой беседе. (...) Скажу одно: я получил полное утешение – мне был дан ответ на все мучительные запросы моего сердца» (Nilus 265-266).

Поиски «правильной веры» побуждают Пришвина к дальнейшим путешествиям и приводят его к сектантам, старообрядцам, сторонникам «нового религиозного сознания». Писатель оказывается в эпицентре жизни всей России, которая, «задыхаясь в смраде русской жизни, ищет Бога» (Prishvin, *Ranniy dnevnik. 1905-1913* 303). Закономерен и вывод, сделанный Пришвиным в результате его религиозных поисков: «...Нет страны, где бы столько было людей, живущих религиозным сознанием, нет народа, творящего столько религиозных сект, европейские религиозные писатели смотрят на Россию как на единственную хранительницу Бога...» (Prishvin, *Ranniy dnevnik. 1905-1913* 303).

Завершение религиозно-философских исканий в России будет предопределено октябрьскими событиями 1917 года. М. Пришвин, оставшись в советской России, подвергнется многим испытаниям, тем не менее писательского труда не оставит и добьется заслуженного признания. Но самим собой он будет только в дневниках, до конца жизни записывая в них все «сокровенное» и «потаенное». К своим религиозно-философским исканиям начала XX века он будет обращаться в течение всей жизни и каждый раз по-новому переосмысливать свой опыт «искания Бога перед мировой катастрофой», свой личный опыт и одновременно – опыт всего своего поколения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Fateyev, V[aleriy] A[leksandrovich]. «Vozvrashchayas' k zamyslu Prishvina». M[iikhail] M[ikhaylovich] Prishvin. *Tsvet i krest. Neizvestnyye proizvedeniya 1906-1924 godov*. Rostok, 2004, ss. 7-28 [Фатеев, В[алерий] А[лександрович]. «Возвращаясь к замыслу Пришвина». М[ихаил] М[ихайлович] Пришвин. *Цвет и крест. Неизвестные произведения 1906–1924 годов*. Росток, 2004, сс. 7-28].
- Florovskiy, G[yeorgiy]. *Puti russkogo bogosloviya*. VPEU, 1991 [Флоровский, Г[еоргий]. *Пути русского богословия*. ВПЕУ, 1991].
- Klyuchevskiy, V[asiliy] O[sipovich]. «Dnevnik i dnevnikovyye zapisi». *Sochineniya. V 9 tomakh*, t. 9. Mysl' 1990, ss. 267-362 [Ключевский, В[асилий] О[сипович]. «Дневники и дневниковые записи». *Сочинения. В 9 томах*, т. 9. Мысль, 1990, сс. 267-362].
- Kowalska, Hanna. «O potrzebie „cerkwi widzialnej” u staroobrzędowców. Na podstawie szkiców M. Piszwina». *Biblia a kultura Europy*, t. 2, red. Maria Kamińska i Eliza Małek, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1992, s. 167-174.
- Krivolapov, Vladimir. «Optina pustyn'. Yeye geroi i tysyacheletniye traditsii». Pod'yem, no. 8, 1990, ss. 157-197 [Криволапов, Владимир. «Оптина пустынь. Ее герои и тысячелетние традиции». *Подъем*, № 8, 1990, сс. 157-197].
- Nilus, S[yergey]. «Otets Yegor Chekryakovskiy». Velikoye v malom. Zapiski pravoslavnogo. Izdaniye Svyato-Troitskoy Sergiyevoy Lavry, 1992, ss. 237-274 [Нилус, С[ергей]. «Отец

- Егор Чекряковский». *Великое в малом. Записки православного*. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992, сс. 237-274].
- Optina pustyn'. Istoriya obiteli i zhizneopisaniye skityan*. Sost. Georgiy Gupalo. Belyy gorod, 2013 [*Оптина пустынь. История обители и жизнеописание скитян*. Сост. Георгий Гупало. Белый город, 2013], www.litres.ru/g-gupalo/optina-pustyn-istoriya-obiteli-i-zhizneopisaniya-skityan/. Доступ 22.02.2022.
- Orlovskiyе yeparkhial'nyye vedomosti*, no. 30, 1903, ss. 630-632 [*Орловские епархиальные ведомости*, №. 30, 1903, сс. 630-632].
- «Pis'mo N. V. Gogolya grafu A. P. Tolstomu ot 10 iyulya 1850 goda». Gogol', N[ikolay] V[asil'yevich]. *Sobraniye sochineniy: V 9 tomakh*, t. 9: *Pis'ma*. Russkaya knigaa, 1994 [«Письмо Н. В. Гоголя графу А. П. Толстому от 10 июля 1850 года». *Гоголь, Н[иколай] В[асильевич]. Собрание сочинений: В 9 томах*, т. 9: *Письма*. Русская книга, 1994].
- Posledniye dni Optinskogo startsa iyeroskhimonakha Makariya*. Tipografiya V. Got'ye, 1860 [*Последние дни Оптинского старца иеросхимонаха Макария*. Типография В. Готье, 1860].
- Prishvin, M[ikhail] M[ikhaylovich]. *Dnevnik. 1914-1917*. Rostok, 2007 [Пришвин, М[ихаил] М[ихайлович]. *Дневники. 1914-1917*. Ростов, 2007].
- Prishvin, M[ikhail] M[ikhaylovich]. *Ranniy dnevnik. 1905-1913*. Rostok, 2007 [Пришвин, М[ихаил] М[ихайлович]. *Ранний дневник. 1905-1913*. Ростов, 2007].
- Prishvin, M[ikhail] M[ikhaylovich]. *Tsvet i krest. Neizvestnyye proizvedeniya 1906-1924 godov*. Rostok, 2004 [Пришвин, М[ихаил] М[ихайлович]. *Цвет и крест. Неизвестные произведения 1906-1924 годов*. Ростов, 2004].
- Prishvin, M[ikhail] M[ikhaylovich]. «Spas-Chekryak». *Sobraniye sochineniy. V 8-mi tomakh*, t. 1. Khudozhestvennaya literatura, 1982, ss. 732-740 [Пришвин, М[ихаил] М[ихайлович]. «Спас-Чекряк». *Собрание сочинений. В 8-ми томах*, т. 1. Художественная литература, 1982, сс. 732-740].
- Prishvin, M[ikhail] M[ikhaylovich]. «U sten grada nevidimogo. (Svetloye ozero)». *Sobraniye sochineniy. V 8-mi tomakh*, t. 1. Khudozhestvennaya literatura, 1982, ss. 387-474. [Пришвин, М[ихаил] М[ихайлович]. «У стен града невидимого. (Светлое озеро)». *Собрание сочинений. В 8-ми т., т. 1. Художественная литература*, 1982, сс. 387-474].
- Varlamov, Aleksey. *Prishvin*. Molodaya gvardiya, 2008 [Варламов, Алексей. *Пришвин*. Молодая гвардия, 2008].
- Zolotusskiy, Igor'. *Gogol'*. Molodaya gvardiya, 1979. [Золотусский, Игорь. *Гоголь*. Молодая гвардия, 1979].

ПОИСКИ БОГА
В РАННИХ ДНЕВНИКАХ МИХАИЛА ПРИШВИНА

Резюме

В статье рассматриваются особенности религиозно-философских исканий Михаила Михайловича Пришвина. На материале ранних дневников писателя прослеживаются этапы его поисков «правильной веры». Характеризуется культурно-историческая и религиозная обстановка в России конца XIX – начала XX вв. Анализируются специфические черты религиозного сознания русской интеллигенции. Особое внимание уделяется феномену стар-

чества и его значению в русской литературе. Сопоставление автодокументальных и художественных источников Пришвина позволяет составить представление об особенностях его религиозно-философского мышления, о способах усвоения Пришвиным народной психологии и народной веры.

Ключевые слова: дневник; вера; религиозно-философские искания; феномен старчества; религиозная обстановка; народная психология.

POSZUKIWANIA BOGA
WE WCZESNYCH DZIENNIKACH MICHAŁA PRISZWINA

Streszczenie

W artykule zostają poddane badaniu cechy szczególne religijno-filozoficznych poszukiwań Michaiła Michajłowicza Priszwina. Na materiale wczesnych dzienników pisarza przeanalizowane są etapy jego dążeń do «słusznej wiary». Zostaje scharakteryzowana kulturalno-historyczna sytuacja Rosji końca XIX i początku XX wieku. Przedstawione są także analizy specyficznych cech świadomości religijnej inteligencji rosyjskiej. Autor zwraca szczególną uwagę na fenomen «starczestwa» i jego znaczenie w literaturze rosyjskiej. Zestawienie egodokumentalnych i artystycznych źródeł pozwala na stworzenie wyobrażenia o cechach szczególnych religijno-filozoficznego myślenia Priszwina, o sposobach przyswojenia przez niego psychologii i wiedzy ludowej.

Słowa kluczowe: dziennik; wiara; poszukiwania religijno-filozoficzne; fenomen «starczestwa»; sytuacja religijna; psychologia religijna.

THE SEARCH FOR GOD
IN MIKHAIL PRISHVIN'S EARLY DIARIES

Summary

This article examines the features of the religious and philosophical quests of Mikhail Mikhaylovich Prishvin. Based on material from the writer's early diaries, the various stages of his search for the "correct faith" are traced. The cultural, historical and religious situation in Russia at the end of the 19th and beginning of the 20th century is characterised. The specific features of the religious consciousness of the Russian intelligentsia are also analysed. Special attention is paid to the phenomenon of the "eldership" and its significance in Russian literature. This comparison of Prishvin's egodocumentary and artistic sources allows us to present specific aspects of his religious and philosophical thinking, and how Prishvin assimilated folk psychology and folk faith.

Keywords: diary; faith; religious and philosophical quest; phenomenon of eldership; religious environment; folk psychology.